

С. С. [Автор не установлен.] Русский сельский священник: (отрывок из письма) // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 6. С. 434–440 (3-я пагин.).

Русскій сельскій священникъ.

(Отрывокъ изъ письма).

13 апр. въ 8¹/₂ ч. вечера скончался мой дѣдушка — іерей Іоаннъ. Это, т. е. время солнечнаго захода, было всегда временемъ, когда онъ отходилъ ко сну (вставалъ онъ въ 3 лѣтомъ и вообще всегда съ восходомъ солнца), и вотъ теперь онъ уснулъ вѣчнымъ сномъ. Изъ моихъ разсказовъ вы, м. б., уже знаете, какую нравственную силу въ моемъ воспитаніи и вообще въ моей жизни представлялъ собою почившій. Это было солнышко—ясное и теплое, которое согрѣвало своею лаской и любовью всѣхъ насъ, а въ особенности меня. Вѣдь я воспитывался и жилъ у него послѣ смерти моего отца, которая послѣдовала, когда мнѣ было только 1 годъ. Значить, я считалъ его своимъ отцомъ 27 лѣтъ. Онъ любилъ меня особенно и съ такою нѣжностью, какъ никто не любилъ меня. Ему я обязанъ всѣмъ, что хорошаго чувствую въ своей душѣ. Объ одномъ сожалѣю, что вы не видѣли его. А описать его, чтобы составить полный образъ, невозможно. — Онъ былъ высокъ ростомъ, крѣпкаго и сильнаго сложенія. Глаза голубые, кроткіе и ласковые. Волосы шелковистые, хоть не густые, но закрывавшіе всю голову: лысины у него не было. Вотъ и теперь я не могу воздержаться отъ слезъ. Теперь я только понялъ, что схоронили дорогаго, милаго, золотого чело-вѣка. Одѣвался всегда просто и не понималъ, какъ это можно увлекаться убранствомъ. Любимая его поговорка: „попа въ рогожѣ знать“. Но это внѣшность. Но какая душа! Мнѣ все кажется теперь, что мы недостаточно цѣнили его свѣтлую душу. Онъ много любилъ всѣхъ. Не говорю о насъ. Бабѣ или мужику, приходящимъ къ нему, онъ всегда го-

вориль: „что ты, ягодка? что ты, касатка? что ты, душа моя?“ Встрѣтившись на улицѣ, онъ непременно благословлялъ и каждому говорилъ что-нибудь привѣтливое и ласковое: „здравствуй, Федя! здравствуй, Илюша!“ А Федѣ и Илюшѣ было непременно подѣ 70 лѣтъ. Смиреніе его было непритворное и безпримѣрное“. Постоянно говорилъ: „кто уступилъ, тотъ приобрѣлъ“. Онъ въ шутку всегда говорилъ о себѣ: „вѣдь я, ты знаешь, немного съ глупинкой“.—О, это былъ чистый и свѣтлый христіанскій умъ. Бабка моя рассказывала, что его когда-то оскорбилъ (чуть ли не дѣйствіемъ) дьячекъ (теперь тоже умершій). А онъ самъ пошелъ къ нему, нашелъ его гдѣ-то въ ригѣ и на колѣнахъ просилъ прощенія. Бывало, его за это станеть упрекать кто-либо изъ родныхъ, что де вы распустите такъ весь причтъ, а онъ, бывало, отъ души засмѣется и станеть говорить совѣтчику (которымъ часто былъ и я); „тебя бы поставить; эхъ, ты фигура. Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. А забылъ: болій всѣхъ да будетъ всѣмъ слуга“... Вообще, какъ христіанинъ онъ представлялъ собою явленіе безпримѣрное. Вѣра его была чисто дѣтская, ясная и свѣтлая и успокоительная. Изъ устъ его постоянно слышались евангельскія изреченія и именно такія, въ которыхъ, чувствовалось, и есть самая суть: „Грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“, „Ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ“, или (любимый его текстъ): „не судихъ вѣдѣти что, точію Иисуса Христа и Сего распята“. — Молитва его была всегда теплая и искренняя. Слезы часто текли по его щекамъ. Во время освященія Св. Даровъ и причащенія онъ всегда плакалъ. Бывало, подойдешь къ нему съ кадиломъ, а онъ дочитываетъ по книжкѣ въ полуголоса: „праотцѣхъ, отцѣхъ, патріарсѣхъ, пророцѣхъ, ангелѣхъ, евангелистѣхъ... воздержницѣхъ“... Доброе лицо его всегда было увлажнено слезами. А у меня дымъ изъ кадила валить столбомъ. Онъ качнетъ головой и скажетъ: „ну, сколько ты кладешь ладону“... Потомъ: „кадило Тебѣ приносимъ... и пр.“ Боже мой! какъ все это живо! Плакалъ онъ при чтеніи канона Андрея Критскаго. Любилъ я стоять около него, когда онъ читалъ трипѣснцы на повечеріяхъ Страстной недѣли. Бывало, выйдетъ на клиросъ и самъ запоетъ въ это время: „Мракъ души моя

разжени Свѣтодавче Христе Боже“... „Пойдемъ со Христомъ на гору Елеонску и соводворимся съ Нимъ“. Или: „Горница посланная пріять Тя Содѣтеля“... „Что предлагаеши ножъ медомъ помазанный“ (Иуда). При чтеніи канона „на Плачь Б. Матери“ (Велик. Пят. на повечеріи) его голосъ прерывался отъ рыданій. Голосъ у него звонкій, почти дѣтскій, и старческаго въ немъ никогда не слышалось ничего, а слышалась вѣчно юная душа. Бывало, поднявши правую руку, громко-громко возгласить: „горѣ имѣимъ сердца“. Еще очень я любилъ, когда онъ звонко читалъ: „во утрій день, иже есть по пятцѣ“... Я постоянно съ нимъ отправлялъ вечерни, крестины, похороны (въ особенности младенцевъ). Въ церковь онъ началъ водить меня съ самаго ранняго дѣтства. Я спалъ съ нимъ. Бывало, слышишь сквозь сонъ, что онъ дочитываетъ правило рано утромъ. Сейчасъ разбудить: „Сережа, пойдѣмъ-ка, братъ, со мной“. Живо одѣваюсь (онъ терпѣть не могъ медлительности). Выходимъ за ворота. Темно, снѣжно и холодно съ просонья. Дѣдушка неизмѣнно всегда сниметъ шапку и молится на востокъ (гдѣ на воротахъ виситъ крестикъ): „Пречистому образу Твоему“... На Западъ (гдѣ другая наша церковь прор. Іліи): „Св. пророче Божій Іліе, моли Бога о насъ“, на Югъ (гдѣ Богословскій монастырь): „Св. Апостоле и евангелисте Іоанне Богослове моли Бога о насъ“; на Сѣверъ (гдѣ Николо-Радовицкій монастырь): „Св. отче Николае моли Бога о насъ“. „Ну, теперъ пойдѣмъ“. Дорогой нѣсколько разъ скажетъ: „не упади“. Проходя мимо дома дьячка, онъ громко стукнетъ въ окно: „вставай, братъ, пора“. Подойдя къ церкви, онъ скажетъ мнѣ: „подожди тутъ, на паперти“, а самъ ухватится за веревку и начнетъ благовѣстить къ утренѣ. Колоколь гдѣ-то высоко и мѣрно ударяетъ. По селу перекликаются пѣтухи. Кончивши благовѣсть, дѣдушка станетъ отпирать церковь, тихо повторяя: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ“. Онъ громко отодвинетъ засовъ и отворитъ скрипучую дверь. „Вниду въ домъ Твой и поклонюся храму святому Твоему“. Изъ церкви пахнетъ тепломъ, пропитаннымъ запахомъ ладону и сырости. Засвѣтитъ огни дѣдушка, мнѣ велитъ раздуть кадило, а самъ станетъ читать: „Грядите, людіе, поимъ пѣснь Христу Богу“... Приходитъ дьячекъ съ утреч-

нимъ кашлемъ и начнетъ—„Услышитъ ты Господь въ день печали“... Дверь, тихо поскрипывая и похлопывая, отворяется и затворяется. Старухи одна за другой тихо входятъ. Отъ нихъ какое-то шуршаніе и шелестъ и упорный старческій кашель. „Сереза, тебѣ дѣлать тутъ, въ алтарѣ, нечего, ступай пѣть на клиросъ“.—„Дѣдушка, у меня что-то болитъ горло“.—„Отъ этого не заболитъ, а пройдетъ,—ступай, дурачекъ“ — ласково скажетъ онъ мнѣ. „Сереза, что-то ноги озябли, сходи за теплыми сапогами“.—„Дѣдушка, темно, я боюсь“.—„Что ты, Господь съ тобой; сотвори молитву и иди“.—Господи, куда же ушло это золотое время? Дорогой мой отецъ! Сердце мое не вмѣщаетъ всѣхъ воспоминаній. Что мнѣ дѣлать? Они тучей несутся надъ моею осиротѣлой головой и не даютъ мнѣ покою. Я все хожу по комнатѣ и повторяю: отецъ мой, зачѣмъ ты сдѣлалъ это и куда ушелъ отъ меня? Вѣдь я не услышу больше твоихъ рѣчей...

Покойный очень много видѣлъ въ своей жизни горя. Дочери его (3) овдовѣли и жили опять у него, кто съ дѣтьми, кто безъ дѣтей. Сынъ у него былъ одинъ, но жизнь его была неудачна и стоила покойному многихъ слезъ. Подъ конецъ сынъ этотъ лежалъ въ больницѣ въ Москвѣ отъ жестокой болѣзни желудка. Онъ умеръ въ 1881 году. Передъ смертью онъ цѣловалъ и обнималъ священника, который приобщалъ его, найдя въ немъ сходство съ своимъ отцомъ. А отецъ въ это время уже подъѣзжалъ къ Москвѣ. Дѣдушка рассказывалъ: „пріѣзжаю въ больницу, а тамъ говорятъ, что только что скончался; я упалъ на трупъ его и зарыдалъ; выйдя оттуда, я не зналъ, куда иду, и заблудился въ улицахъ“. Но при своей скорбной жизни, дѣдушка всегда и неизмѣнно былъ веселъ и ласковъ и другихъ утѣшалъ. „Многими скорбми подобаетъ внити намъ въ царствіе Божіе: такъ-то другъ мой“. Это было его любимѣйшее изреченіе.

Какое у него было нѣжное сердце и какъ онъ любилъ природу. Бывало, выйдемъ въ поле лѣтомъ. Солнышко только взошло, прохладно, но ожидается жаркій июльскій день. Я босикомъ и мнѣ пріятно ступать ногами по мягкой, какъ подушка, пыли. Жаворонки неугомонно звенятъ въ вышинѣ. Дѣдушка остановится, сниметъ шляпу, взглянетъ

на небо, взглянетъ вокругъ, перекрестится и скажетъ: „посмотри, какая красота! Вся премудростію сотворилъ еси“. А то, пожалуй, запоетъ дрожащимъ голосомъ: „Ангели и небеса на престолѣ славы Сѣдящаго и яко Бога непрестанно славимаго“... „Посмотри, а вотъ это—наша доля. Рожь то чудо! Ишь какъ волнуется. Еще милостивъ Господь къ намъ грѣшнымъ. Слава Ему за все... Да, какъ же, Господи, —станетъ онъ думать велухъ“, — „мать забудетъ отроча свое, Азъ не забуду тебе“, и заплачетъ. — О, отецъ мой, зачѣмъ же такъ полно мое сердце и куда дѣвать мнѣ полноту эту?

„Онъ“ особенно любилъ меня. Когда на Пасхѣ онъ утомится отъ хожденія по приходу, я читаю ему правило, а онъ иногда присаживается. „Господь наградитъ тебя, другъ мой, за это“. Вообще, когда я бывалъ дома, то онъ всюду ходилъ со мной. Разъ мы ходили съ нимъ въ Богословскій монастырь. Какъ бывала пріятна во время этихъ прогулокъ его рѣчь! Бывало, придетъ время отъѣзда изъ дому въ Рязань. Онъ не имѣлъ своихъ лошадей и, бывало, цѣлый день ходитъ, чтобы найти подводу. Прощаясь, всегда говорилъ: „ну, прощай, слушайся во всемъ начальниковъ, не балуйся, учись, молись Богу, а пуще всего не гордись. Чаше повторяй молитву: —Господи, даждь ми смиреніе, цѣломудріе, послушаніе, великодушіе и кротость“. Потомъ выйдетъ провожать, самъ усадитъ, самъ укроетъ, поцѣлуетъ еще разъ. „Ну, съ Богомъ“, скажетъ. Мы отъѣзжаемъ, а онъ долго благословляетъ вслѣдъ широкимъ крестомъ, и долго видна его высокая фигура съ развѣвающимися сѣдыми волосами на обнаженной головѣ. Потомъ онъ помолится на церковь и тихо побредетъ домой. Чѣмъ же я воздамъ ему за любовь его?—Когда я готовился поступать въ академію, онъ еще задолго говорилъ: „я самъ отвезу тебя къ стопамъ преп. Сергія“. Какія нѣжныя письма писалъ онъ мнѣ къ Троицѣ. „Вотъ“, пишетъ, „и пришелъ Великій Постъ, другъ мой,—время покаянія; воздохнемъ изъ сердца къ Іисусу Христу о грѣхахъ своихъ... Всѣ мы, по милости Божіей, здоровы. Пріѣзжай въ мою обитель къ Свѣтлой недѣлѣ (онъ всегда такъ называлъ Пасху), а то я, старый дѣдъ твой, соскучился по тебѣ“.—Простите мнѣ, что пишу безъ порядку. Мысль „его“ постоянно обращалась къ небеснымъ

предметамъ. Разъ мы сидѣли въ вокзалѣ. Пришелъ поѣздъ и народъ толпой валилъ въ вокзалъ. Дѣдушка говоритъ: „Господи, сколько народу: а на Страшномъ то судѣ? всѣ предстанемъ. У, какая будетъ сила“... Въ вагонѣ (по ассоціаціи) онъ всегда со всѣми перезнакомится и, когда придетъ наша станція, я ужасно боялся, что онъ не успеетъ выйти: всѣ бабы и мужики лѣзутъ къ нему подь благословеніе. „Дѣдушка, что вы дѣлаете, вѣдь вы могли остаться въ поѣздѣ?“— „Э, нѣтъ... а какіе они всѣ чудесные люди: я ихъ благословилъ всѣхъ“.— Во время оно онъ 28 лѣтъ сряду былъ благочиннымъ. „Ни одного кляузнаго дѣла у меня не было“.— „Какъ же, дѣдушка?“— „Я ихъ всѣхъ мирилъ“. Его особенно любили дьячки, и всегда выбирали.

Ослабѣлъ онъ въ срединѣ В. Поста. А первую недѣлю служилъ за моего брата. Дни болѣзни его были именно „безболѣзненные, непостыдные и мирные“. Я пріѣхалъ къ нему на нѣсколько часовъ. Онъ говорилъ со мной: „всѣхъ люби, всѣмъ желай спасенія, за всѣхъ молись Богу... Ахъ, милый, безконечна любовь Божія. А мы то зачѣмъ отвергаемъ ее?“. Одна старуха принесла ему медку. „Подойди поближе, милая, я благословлю тебя. Спасибо тебѣ: не дорого пито, а дорого быто“, т. е. дорога любовь твоя. „Трудно вамъ, дѣдушка?“— „Нѣтъ, милый, а скучно иногда“. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ. Онъ очень переутомился, служивши за брата. „А то ему пужно нанимать. А я на что?“ И подлинно: онъ до конца исполнилъ заповѣдь Христову. „Буду служить, пока силы есть“. При прощаніи онъ благословилъ меня иконой св. Тихона Задонскаго. Я разрыдался. Послѣ онъ писалъ мнѣ дрожащей рукой: „спасибо тебѣ за твои слезы любви“. Ему хотѣлось выздороветь. „А если нѣтъ, то да будетъ воля Господня“, и съ чувствомъ крестится. На Благовѣщенье я опять былъ и видѣлъ его и уже послѣдній разъ. „Если буду здоровъ, то лѣтомъ поѣду къ новому владыкѣ. Вотъ у меня и камилавка новая“, говорилъ онъ. Братъ рассказывалъ, что кончина его была безболѣзненная. За день до смерти онъ все крестился и шепталъ: „Ты еси утверженіе притекающихъ къ Тебѣ, Господи, Ты еси свѣтъ омраченныхъ и поеть Тя духъ мой“, и еще: „Господь пасеть мя и ничтоже мя лишитъ“... Онъ часто крестился, лежа одинъ въ своей комнатѣ. (Его здоро-

ваго часто можно было видѣть плачущимъ, когда онъ, затворившись, лежалъ на своей постелѣ). Не задолго до смерти онъ читалъ „Отче нашъ“. Предъ самой смертью онъ объявилъ, что желаетъ подняться и сѣсть. Братъ сталъ поднимать его, и онъ крѣпко ухватился руками ему за шею. Потомъ прошепталъ „простите“ и тихо скончался.

Хоронили его съ честью. Слова сказали: одинъ сосѣдній батюшка, мой братъ о. Николай и я. Литургію (нед. женъ Муроносицъ) совершали 8, а отпѣваніе 9 священниковъ и 3 дьякона. Могло быть и много больше, но невообразимая распутица и разлившаяся вода многимъ воспрепятствовала быть. Усиленно былъ приглашаемъ о. архимандритъ Богословскаго монастыря, но онъ самъ не выходилъ изъ комнаты и былъ боленъ. На 40-й день навѣрно будетъ. Отпѣваніе исполнили усердно и съ умиленіемъ. Оно одно продолжалось около 3-хъ часовъ. Изъ длиннаго священническаго погребенія не было выпущено ни одной іоты. Всѣ 3 статьи 118 псалма, съ пѣніемъ „аллилуія“, „помилуй раба твоего“ и опять „аллилуія“ были исполнены косо и со сладкопѣніемъ (съ чтеніемъ, конечно, стиховъ псалма). Церковь была вся освѣщена, и горѣли люстры. Покойникъ лежалъ въ бѣломъ облаченіи, гробъ обить бѣлымъ глазомъ и духовенство было въ бѣлыхъ облаченіяхъ. „Волною морскою“ исполнили съ чувствомъ и одушевленіемъ. Домой пришли къ 4 часамъ, а братская трапеза окончилась къ 7 часамъ. На другой день кормили всѣхъ нищихъ. Вѣчная память! Покойный приносилъ безкровную жертву 62 года. Помолитесь о „немъ“.

С. С.
